

А. С. ТИМОФЕЕВ

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (XX – НАЧАЛА XXI ВВ.)
ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКИХ ТРАКТАТОВ ДЖ. ФОРТЕСКЬЮ (XV В.)**

В историографии XX в. не остался без внимания вопрос о значении создания сэром Джоном Фортестью, выдающимся английским гуманистом, юристом и заметным политическим деятелем эпохи феодальной войны Роз XV в., таких масштабных произведений, как «Управление Англией» ('The Governance of England'), написанный в отличие от остальных на английском (того времени) языке; «О восхвалении законов Англии» (называемом также «Похвала законам Англии» – 'De Laudibus Legum Anglie', трактат на латыни); «О природе естественного права» (трактат 'De Natura Legis Naturae', написан на латыни, возможно, в 1461–1464 гг.) и нескольких значительно менее объемных памфлетов. Общие теоретические идеи, лежащие в основе всех трактатов, совершенно одинаковы и часто даже формулируются в одних и тех же выражениях. Значимость создания этих произведений для развития, по крайней мере, английской политической мысли давно признана учеными-соотечественниками (но не современниками) сэра Джона; однако это не привлекало должного внимания наших отечественных специалистов в историографии XX века. Невозможно признать, что вокруг этого вопроса велись (или ведутся) ожесточенные споры. Это и порождает необходимость исследований далее.

В зарубежной, прежде всего англоязычной, историографии XX в. также не столь много работ, непосредственно посвященных Фортестью (но его трактаты упоминаются и исследуются как важнейший источник по ряду аспектов социальной, политической, ментальной и даже экономической истории Англии периода войн Роз в гораздо более многочисленных общих трудах). В первые годы XX в. касавшиеся данного вопроса ученые испытывали влияние концепций У. Стеббса, который видел в Фортестью (не занимаясь его наследием специально) великого теоретика-конституционалиста¹. Он создавал свой объемный труд в конце XIX в., в эпоху расцвета английского либерализма и фактического конституционализма, и посчитал, очевидно, что ныне теоретическое наследие Фортестью «кстати». В отечественной исторической науке до революции 1917 г. немногие российские ученые поэтому упоминали о канцлере. Но вышеупомянутая политическая ориентация западноевропейских интеллектуалов была, можно предположить, по душе и значительной части знакомой с нею отечественной дореволюционной интеллигенции, жившей при нелюбимом ею абсолютизме. Отдельные ее представители и продемонстрировали это. Профессор М.М. Ковалевский считал, что цели трактатов таковы: 1) защитить права свергнутого Ланкастерского дома на престол Англии (впрочем, цель изменилась после его поражения и пленения Фортестью: он теперь доказал, что именно Йорки имеют преимущественные права на престол,

но, по мнению Ковалевского, не отступил от принципиальной позиции – добиться прекращения усобиц в стране); 2) создать теоретические основы представительной монархии в Англии; 3) доказать преимущества английского «смешанного правления» перед французским; 4) реформировать высшие органы власти. Ученый даже предположил, что Фортескью превосхитил «кабинетную систему парламентского правления» XVIII–XIX вв., что и является одной из составляющих исторического значения его трудов². Подобных же взглядов, опирающихся на исследования английских классических историков XIX в., придерживался и К.А. Кузнецов³. Его точка зрения относительно трудов Фортескью, изложенная в сравнительно небольшой по объему работе, фактически копирует идеи этих зарубежных коллег: исследуемый мыслитель XV в. – один из основателей теории «конституционной» монархии, основанной на торжестве закона, а не вызревшей тогда в Англии, по признанию современных советских историков, абсолютной монархии.

В 1930-е годы С.Б. Краймс, один из известнейших исследователей трудов Фортескью, выделил такие цели и значение его теоретической деятельности: 1) стремление связать «высокую теорию» политики и права с практикой разумного и эффективного управления Англией; 2) стремление дать рецепт преодоления хаоса и наведения порядка в стране в период феодальной войны Роз; 3) патристическое желание создать апологию английского политического строя, доказывающую его принципиальное превосходство над иными, например, французским; 4) желание привлечь на сторону Ланкастеров колеблющихся и помочь менее ученым их сторонникам, написав нечто вроде доступных теоретических пособий⁴. При этом Фортескью стремился к усовершенствованию ограниченной парламентской, «протоконституционной» монархии в Англии (знаменитое «*dominium politicum et regale*»), чем отличался от осуждаемых им апологетов абсолютизма (сторонников «*dominium regale*»). Его деятельность была глубоко прогрессивна и полезна в историческом масштабе (но «конституции» позднего средневековья Краймс понимал отнюдь не в духе позитивистов XIX века⁵). Советские историки в 1920 – 1-й половине 1950-х гг., по понятным причинам, отвечали глубоким молчанием в области публикаций на такие научные изыскания.

Наступает новый этап в сравнении отечественных и зарубежных подходов. Однако советские историки зарубежья явно переживали период давления цензуры. Б.А. Каменецкий – пожалуй, единственный из историков советского периода, кто специально посвятил себя изучению деятельности и наследия Фортескью после 1930-х годов. Он занимался этим в 1950-е – начале 1960-х годов. Он считал последнего ярким представителем английского гуманизма, но в то же время и ранним выразителем «элементов новой буржуазной идеологии», «идеологом имущей части антифеодальных классов, четко сформулировавшим их основные требования»⁶. Цели его деятельности были таковы: установление стабильного политического порядка (обязательна неприкосновенность частной собственности, чего и требуют интересы эксплуататоров), сильной королевской власти, твердая внешняя политика правительства. Он писал для широкого круга читателей своего класса, по мнению Каменецкого⁷.

В подобном духе высказывался и А.Р. Майерс: работы Фортескью (как и Т. Литтлтона) в XV в., по его мнению, должны были заставить английских юристов гордиться своим общим правом («*common law*») и жестко сопротивляться попыткам

вести в стране римское право, которое способствовало бы установлению абсолютизма⁸. Эта точка зрения никак не связана с марксизмом и скорее близка к «патриотической». Однако и Каменецкий не отрицал этой идеи, более того, во времена сталинизма, патриотизм, носивший «имперскую» форму, был общепризнанным. Дж. Джоллифф, считавший Фортескью единственным ярко выраженным политическим мыслителем Англии XV в., писал о предвосхищении последним создания роялистских (периода абсолютизма), а не аристократически настроенных высших советов при короле⁹. Его приверженность идее совета (и «советования») будет признаваться и некоторыми историками рубежа XX–XXI веков.

Классический подход к трудам в западной историографии под влиянием деятельности новых исторических школ изменяется, начиная с 1960-х годов. Позитивистские оценки в том духе, что Фортескью создал определенные концепции, потому что он был прогрессивно мыслящим и т. д., подверглись серьезной критике. Так, В. Литцен, финский исследователь, попытался выделить главную цель создания Фортескью столь разных его произведений. Он нашел, что сэр Джон был «человеком одной идеи» и преследовал, создавая свои творения, одну конкретную цель, не стремясь ни к чистому теоретизированию, ни к научной точности, ни тем более к прогрессу и преодолению «пережитков». Эта идея – идея «правильного» наследования престола в Англии (только по мужской линии), обеспечение стабильности короны, а цель состояла в осуществлении проекта реставрации свергнутой Йорками династии Ланкастеров с военной помощью Франции, где старый канцлер и пребывал в изгнании в период своей литературной активности: цель предельно утилитарная, конкретная и эгоистическая. (Король в то время не только олицетворял правительство, хотя бы и в Англии, но и в значительной степени реально был им.) Практически все свои доводы Фортескью заимствовал из французских трактатов и знаменитого «Салического закона» (*‘La loi salicque’*). Стоит заметить, что Литцен едва ли не демонстративно старается опровергнуть все «мифы» в историографии (по его мнению) о деятельности Фортескью: и то, что он ярый патриот, и то, что его идеи глубоко оригинальны, и то, что они были применены на практике Эдуардом IV или Тюдорами, и его влияние на английских мыслителей 1-й половины XVI века¹⁰. Саму войну Роз он считает конфликтом прежде всего Франции и Англии. Дж.Р. Лендер тоже считает, что цели канцлера не были далеко идущими: он писал книги либо для наставления принца Эдуарда (сына Генриха VI), либо советуя власть имущим, как преодолеть неурядицы в стране (прежде всего финансовые, но и то – Лендер считает, что известное предложение Фортескью ограничить специальным советом возможности короля распоряжаться расходами касается только злободневной ситуации с психически больным Генрихом VI)¹¹.

В последние годы заметна тенденция комплексного поиска причин, подвигших Дж. Фортескью к идеологической борьбе, при этом стремление авторов избавиться от «мифов» и достичь соответствия реалиям XV в. налицо. Так, Дж. Уаттс (предпочитающий относить творения Фортескью не к конституционным проектам, а к «политическим советам» *‘advise-literature’*, нашел, что комплекс целей старого канцлера: 1) объяснить, как в рамках английского традиционного *«dominium politicum et regale»* (каковой якобы доминировал в Англии) королевские фискальные ресурсы могут быть увеличены и стабилизированы, что позволило бы

королевской власти выйти из жалкого состояния 1450-х годов. Ведь финансовое преобладание – базис верховной власти в стране. Но это преобладание зависит от благосостояния подданных (т. е. членов общин), а потому власть и фиск короля – общественное дело. Значит, необходим реформированный «независимый» королевский совет (одна из ключевых идей «Управления Англией»), в значительной степени перенимающий бремя финансовой власти короля: это ограничение только ему на пользу, ибо от него выиграет и его правительство, и все королевство, значит, и его реальная власть; 2) создать такое устройство органов центральной власти («конституцию»), при котором приемлемый порядок устанавливался бы не персональными решениями (путем назначения членов совета или распределения «милостей»), а институционально, сочетая силу законов (в том числе традиционных) с влиянием представительства и прерогативами короны. В этом случае не будет практических различий между интересами власти и общин, и вся Англия станет «общиной, где всегда хором будут петь и молиться все англичане – миряне и клирики». Таким образом, проект Фортеस्कью заключался в создании в Англии не феодальной иерархии, а политической общности людей, уравненных законным королевским правительством и объединенных осознанным выбором, что было внове в ту эпоху¹². Идея совета от Фортеस्कью, как признает и наш современный историк С.Е. Федоров (СПбГУ), имела важное влияние на последовавшее после XV в. интеллектуальное развитие Англии¹³. Взаимодействие наших исследователей и зарубежных (прежде всего англоязычных, пусть и происходивших из Финляндии) неоспоримо, и это полезно для научных исследований.

Кристина Карпентер, соглашаясь с Дж. Уаттсом по многим вопросам истории XV в., считает, что Дж. Фортеस्कью имел весьма ограниченное представление о реалиях английской политики (а ведь историки воздавали ему хвалу именно за использование практического опыта!) и желал создания в Англии рая для чиновников («bureaucrat's paradise»), в котором капризы незадачливого короля нивелировались бы благоразумными маневрами профессиональных бюрократов, одним из которых он сам и являлся¹⁴. Дж. Джиллингхэм также полагает, что вся деятельность канцлера направлялась его практическими, а не научными, интересами участника тех событий: он более практик, нежели теоретик¹⁵. Вместе с тем и в нашу эпоху есть авторы, которые в духе У. Стеббса называют Фортеस्कью «конституционным монархистом», мыслителем, доказывавшим превосходство английского права и политического устройства и имевшим целью усовершенствовать парламентский строй, в частности, по вопросам финансов и собственности¹⁶.

Уместно сделать вывод, что вопрос о действительных целях и значении создания в XV в. трактатов и памфлетов Дж. Фортеस्कью порождает довольно разные ответы в исторической литературе, хотя в последние годы, несомненно, достигнуты значительные успехи в этом направлении: само количество касающихся данной проблемы научных трудов говорит об этом. Думаю, ближе к истине те исследователи последних лет, которые считают, что единой политической задачи у всех этих произведений не было: они создавались исходя из краткосрочных побуждений, хотя их «сверхзадача» едина – канцлер добивался прекращения тяжкого кровавого кризиса и восстановления мира и стабильности в Англии. Полагаю также, отечественные исследования в этом направлении были и будут вполне плодотворны.

Примечания

- ¹ *Stubbs W.* The constitutional history of England in its origin and development. Vol. 3. Oxford, 1906. P. 314.
- ² *Ковалевский М.М.* От прямого народоправства к представительному. М., 1906. Т. 1. Глава 5; Он же. История монархии и монархических доктрин. СПб., 1912. С. 72–73.
- ³ *Кузнецов К.* Опыты по истории политических идей в Англии (XV–XVII вв.). Владивосток, 1913. С. 12.
- ⁴ *Chrimes S.B.* English constitutional ideas in the fifteenth century. Cambridge, 1936. P. 250–251.
- ⁵ *Ibid.* P. XIX.
- ⁶ *Каменецкий Б.А.* Социально-политические идеи Джона Фортеस्कью: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1961. С. 5, 14–15.
- ⁷ Он же. Джон Фортеस्कью и его роль в формировании буржуазной культуры Англии // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 5. С. 110–122.
- ⁸ *Myers A.R.* England in the later middle ages. Harmondsworth, 1966. P. 220.
- ⁹ *Jolliffe J.E.A.* The constitutional history of England. L., 1937. P. 494.
- ¹⁰ *Litzen V.* A War of the Roses and Lilies. Helsinki, 1971.
- ¹¹ *Lander J.R.* Government and Community. England 1450–1509. Cambridge, 1980. P. 42, 264; The wars of the Roses. L., 1974. P. 302.
- ¹² *Watts J.* Henry VI. Cambridge, 1999. P. 46–50.
- ¹³ Он не разрабатывает творчество Фортеस्कью специально, но из-за специфики изучения истории Англии XVI–XVII вв. не придерживается тактики «пройти мимо»: *Федоров С.Е.* Пуританизм и общество в стюартовской Англии // <http://biblus.ru/default.aspx2/1b2c0677h1>
- ¹⁴ *Carpenter C.* The wars of the Roses. Cambridge, 1999. P. 247.
- ¹⁵ *Gillingham J.* The war of the Roses. L., 2001. P. 148, 207.
- ¹⁶ *Black A.* Political thought in Europe. 1250–1450. Cambridge, 2000. P.137, 168.

Н.Н. АГЕЕВА

**Взгляды М.И. Ростовцева на проблему исторического
развития юга России в контексте взаимодействия
западной и восточной цивилизаций**

М.И. Ростовцев одним из первых в отечественной историографии поставил вопрос о необходимости рассматривать историю России как часть всемирно-исторического процесса, в тесной связи с древними народами, проживавшими на ее территории до расселения здесь славян. Интерес ученого к этой проблеме возник в связи с его изучением южнорусских древностей и стремлением выстроить целостную концепцию развития юга России в античный период. На наш взгляд, юг России привлекал М.И. Ростовцева не столько обилием необработанного античного материала, сколько своим положением на периферии античного мира, где тесно переплелись две культуры – варварская и греко-римская. К теме взаимодействия восточной и западной цивилизаций ученый в своих работах обращался достаточно часто. Эта проблема являлась ключевой и в его фундаментальном труде «The Social and Economic History of the Hellenistic World» (1941), и при археологических исследованиях Дура-Европос. Что касается юга России, то М.И. Ростовцева чрезвычайно занимала еще и проблема влияния проживавших здесь древних народов на последующее развитие этого региона и соответственно становление русской государственности. Концепция исторического развития юга России в античный период в общих чертах была изложена им в монографии «Эллинизм и иранство на юге России» (1918), написанной в форме научно-популярного очерка. Формирование этой концепции и детализацию ее отдельных положений можно проследить и по другим многочисленным статьям и книгам ученого,